

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

СВЕТ ЗЕМНЫХ МАДОНН

ЧТО ВИДИШЬ, ДРУГ?

31 октября прошлого года в художественном музее в Бресте был последний день выставки живописи “Светоносный лик мадонн” Алексея Кузьмича. И в тот момент, когда первую картину стали снимать со стены, в белом храме святых апостолов Петра и Павла в Минске на Немиге зазвучали слова панихиды. Началось отпевание художника. Кузьмич ушёл в свете любви и благодарных слёз – именно так смотрят люди на его картины. Так его и провожали – художники, писатели, благодарные ценители таланта.

Люди спрашивали тихонько, входя в церковь из притвора и глядя на гроб: “Кого отпевают? – Лёшу Кузьмича, – ответил я. И всё было понятно. Ему было 69 лет, его называли Алексеем Васильевичем, он был именитый мастер и великий труженик, беспощадный к себе, – он написал около тысячи полотен, был академиком по трудам своим международной славянской Кирилло-Мефодиевской академии. А для меня он остался мальчишкой, подростком – весёлым, зажигательным, жизнерадостным. Он потому любил детей, что сам был ребёнком. И на многочисленных картинах рисовал сам себя – на руках у матери, феи с русыми или огненными волосами.

Свято-Петро-Павловский собор был, считай, семейной церковью Кузьмича, как и собор Святого Духа на горке – жил рядом, а через мост за Свислочью в Троицком предместье находилась его мастерская. Тут исторический центр Минска, под землёй здесь находятся руины древнего детинца и первой православной церкви в будущей столице. Тут “Немиги кровавые берега”, до сих пор никак не отмеченные. Однако успешно растут отели и торговые гипермаркеты, тесня остатки старины, а вот до бережных раскопок и создания уникального музея руки не доходят. В очередной раз пожелание увидеть музей-крепость под открытым небом – сердце города – я услышал на празднике 1025-летнего юбилея Крещения Руси и Православия, который состоялся на этом месте прошлым летом. Реяли хоругви, звучали громкие речи, в том числе и властей города. А воз и ныне там.

Так вот, Алексей Кузьмич буквально мучился всеми этими проблемами, он хотел прославления предков, мечтал увидеть Беларусь сияющей своими великими древностями, имя “славянин” для него много значило. И он сам, как мог, с яростью и вдохновением служил Белой Руси, её красоте. До последнего вздоха думал о Музее мадонны – музее красоты белорусских женщин. Но не дождался.

Не очень мы хорошие потомки – при бесконечной Божьей любви к нам. Я лично в тяжёлые часы жизни утешаюсь тем, что до сих пор вижу всюду

необыкновенно много красивых белорусок, так много ангельской детской красоты. Откуда, почему, за что такие чудеса? Умилишься и согреешься, увидев в толпе черты сказочной красоты. Но чтим ли мы эти дары, благодарим ли? А вот Кузьмич понимал красоту как дар небес белорусам и служил этой красоте, поклонялся. А затем, уже на его выставках, люди поклонялись его полотнам. Не Кузьмичу поклонялись, хотя книги посетителей его вернисажей звучат, как вдохновенные песни и даже молитвы, а красоте Матери и Ребёнка. Кузьмич понимал себя как труженика, творческую руку, которая создаёт вслед за Богом. Да так себя понимали все художники – они считали себя помощниками Творца. И самые великие поэты – только подмастерья песнопений ангелов.

Теперь изрядно потрудившиеся руки Алексея тихо лежали на его груди. Большие руки большого мастера. А над ним звучали речи прощания. Он по жизни был большой и во гробе лежал большой, во весь рост. Большой ребёнок, большой пахарь, большой полешук. Русые волосы стали седыми. А на лице – удивление и тихий восторг. Что-то сказочное увидел он в минуту смерти и отделения души от тела.

За жизнь я много перевидал людей в гробу – и знаменитых, и не очень. Некоторых было трудно узнать – душа ушла, сгорела, и остался один пепел. Трудно было узнать известного всей Москве художника и философа Юрия Ивановича Селивёрстова – он был сибиряк, весельчак по натуре, а лежал перед нами на отпевании суровый чёрный монах. Такова была его скрытая натура.

Совершенно не похож был на себя Юрий Владимирович Никулин, знаменитый артист и клоун. Любя его, я специально поехал в Москву в 1997 году, чтобы проститься с ним в цирк на Цветном бульваре. Ничего от Никулина-клоуна не осталось. Это был, скорее, старый солдат, старый рабочий, старый каменотёс. Маска комика и шута исчезла с лица, как и не было, оставшись в фильмах и на фото. Никулин суровостью своего посмертного облика был странно похож на писателя Виктора Петровича Астафьева – оба они были фронтовиками, наверное, это и было их главной сутью.

Известна сцена потрясения поэта В. А. Жуковского, царского наставника, у смертного ложа Пушкина, когда он стал очевидцем последнего вздоха поэта-друга. Он сам описывал это. На лице Пушкина внезапно отразилось величайшее изумление, вдохновение, восторг, свет. “Что видишь, друг?” – спросил удивлённый Жуковский. Но Пушкин ничего не ответил – его душа улетела с ангелами вверх, прочь от земли.

Что-то похожее было написано и на лице Кузьмича – детское удивление перед какой-то картиной, которая открылась ему в последнюю минуту. Я смотрел на его удивлённое и загадочное лицо и горевал, и радовался. Художник Алексей Кузьмич заслужил свой рай. И отпечаток его, позолота осталась на его лице.

“Что видишь, Лёша?” – тихо спросил я его, не ожидая ответа у гроба, но я знал ответ. Это чудо он всю жизнь рисовал и оставил нам в дар, чтобы и мы верили, любили и не отчаивались. Жизнь тяжела, а музыка, картины и слово помогут. Кузьмич, как мог, спасал, тянул нас, из хмурой пучины быта в жизнь вечную. В красоту. И много успел.

Я крепко пожал его руку и поцеловал. Рука его была холодна, как лёд. Огонь и свет ушли из десницы, чтобы остаться на картинах. Мы вышли на Немигу, чтобы ехать на Восточное кладбище. Само солнце щедро разливало своё тёплое золото над храмом в последний день октября. Обычно у нас на Полесье уже порошит первый снежок, а тут – красота, чуть ли не бабье лето. Кузьмич писал огненное лето и ушёл в вечное лето.

“Я ВЫБИРАЮ ТЕБЯ”

К Кузьмичу минские власти любили водить парламентариев. То бельгийцев, то японцев. Россияне заглядывали сами, как свои. Уникальная коллекция Мастера “Мадонны” – дело всей его жизни. Бельгийские гости важно отметили, что мастерская – одно из самых одухотворённых мест на всей земле, которые они когда-либо посещали: “Нас глубоко впечатлили работы белорусского мастера А. Кузьмича. Ничего подобного раньше мы не видели”. Что ж, и мы

того же мнения: для белорусов Кузьмич тоже загадка и откровение — ведь он запечатлевает белорусскую красоту, такую пронзительную и необыкновенную.

Уникальная галерея — более, чем 700 мадонн, до тысячи женских обликов — такой коллекции в мире больше нет. Свет и тьма, гармония и победённый хаос. И не потому, что другие художники мало поклонялись женской красоте. Кузьмич создал сотни ликов матери с младенцем. Ранняя работа — рождение мадонны из Божьей слезы — взгляд художника на мир, о котором он создаёт свои мифы. И если есть женщина из мужского ребра, то почему не быть Мадонне-Матери — из слезы?

Художник Кузьмич родился во время страшной грозы, и это некий небесный знак, потому что от такой же грозы погиб его дед. Матушка его была необыкновенной женщиной, сильными женщинам, правда, в бедности жившими и живущими были и пять сестёр Кузьмича. Много раз сам Кузьмич видел необычные явления. Вот одно из них. Он увидел себя посреди огромного поля. Была ночь, и блистали звезды. Вдруг небо распахнулось. И он увидел мадонну в белом одеянии с ребёнком на руках, которая спустилась к нему. Она сказала: “Я выбираю тебя”.

Эта история произвела глубокое впечатление на бельгийских парламентариев. И не только на них. Однако практический результат? У чужеземных гостей карманы трещали от евриков, но картины нуждающегося художника никто из них почему-то не купил.

Я долго думал — почему? Наверное, потому, что какая-то сила сберегала год за годом при жизни Кузьмича это обширное богатство для одного центра, чтобы не расхватали, чтобы вся эта многоликая красота не рассыпалась по чужим домам и заграницам, так как Кузьмич не умел повторять своих работ. И никогда не копировал сам себя, хотя этим не брезговали и гениальные мастера ради денег. Он не умел или не хотел. Я советовал ему. Но он гневно отвергал мои слова. “Не буду! Гении Ренессанса копировали, а я нет. Я — Кузьмич!” И беды у певца белорусской гармонии всю жизнь не переводились — оплатить дорогую мастерскую в Троицком предместье, купить холст, краски — он не мог без работы. И даже после инсульта брался за кисть.

СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

Одиноко на минской Свислочи, у Троицкого предместья, стоят на Острове Слёз бронзовые Матери, к которым никогда на земле уже не придут их сыновья. И матери, и дети встретятся в ином мире. Это матери ребят, погибших на чужих непонятных войнах, — так называемых воинов-интернационалистов. В мире, где не будет ни слёз, ни боли, ни печали, встретятся матери и дети. В том самом мире, который писал на холстах Алексей Кузьмич. Солнечный, удивительный мир. Мир Божий. Такой он художник. Такое его дело. И за это одни любят его, а другие завидуют до сих пор и не терпят. Не любят прямодушия, искренности. А он был таков, как все дети.

Каждый творит на земле свой рай. Какой построишь — такой тебя и встретит на небе. Алексей Кузьмич это хорошо знал. Поэтому и торопился, как мало кто торопится. Он спешил заселить своё небо. Заселить Красотой. Наверное, горевал, что мало успел. Но дело сделано. Семьсот мадонн созданы. И сейчас можно спокойно поговорить. О Земле и Небе, о Жизни и Смерти. Об этом — все картины Кузьмича. Только дипломную работу он когда-то делал на шахтёрскую тему.

Залез тогда Кузьмич под землю, в шахту. Увидел изнанку мира, увидел каторгу — угольный разрез. Диплом защитил. Но больше никогда мир подземный не писал. Кузьмич — существо небесное. А кусок хлеба пришлось искать на земле. Но выходило баш на баш: на оплату краски, холста и рамы. Людям нужен, но своей галереи или зала у него не было никогда. А ведь сделал он за десятилетия. И писал он — как летал. Все ярче год за годом на фоне хмурой осени в доме Кузьмича разгорался сверкающий мир красок, сияющих женских лиц. Поперёк серому бесцветному миру Кузьмич создал свою Сказку. Гости прогуливались по мастерской, ублажали ум и сердце лицезрением красоты и исчезали.

— Вот так Лувр на дому! — поражался я.

— С посетителями за свой счёт! — с горькой усмешкой отвечал художник. — Даже мои знакомые считают, что у меня куры денег не клюют. Пошёл да продал портретик! А я живу на пенсию безработного...

Когда-то народ по простоте душевной считал, что у Василия Шукшина — золотой кирпич в кармане. Ещё бы! Любимый артист! А Шукшин умер в каюте речного парохода на съёмках так: рабочие сапоги брошены на полу да стопка книг по истории у изголовья... Вот и всё. Народный художник живёт босым и уходит босым. Чтобы не топтать матушку-землю. Птицы — они ведь все из нищей братии. Так легко летать.

СОЛНЕЧНЫЙ ХЛЕБ

Диво-дивное, что в Минске появился такой солнечный художник. Минск — город вполне причёсанный. И сонный. И очень часто за нашей белорусской “разважл васцю” кроется элементарный духовный инфантилизм. И ещё кое-что, о чём Пушкин когда-то написал: “Русский мужик ленив и не любопытен”. И вот среди нашей пресловутой “памяркоўнасц” появляется полешук, который, как Винсент Ван Гог, пишет по полотну в день и вообще ведёт себя, как ребёнок на партсобрании бюрократов. Поэтому что удивляться, что Алексей Кузьмич был одинок?

Когда-то вот так же, только в своём жанре, появились мулявинские “Песняры” и в считанные месяцы покорили весь Советский Союз. Забойные песни на фольклорной основе внесли в унылое массовое советское искусство весёлую душу белорусского мужика. Так с тех пор Беларусь и знают по “Песнярам”. Даже в сериал “Ну, погоди!” они попали. И никакой иронии в этом нет: народная славянская музыка в кои веки зазвучала в мультиках! Каждый ребёнок в Советском Союзе напевал мотивы “Песняров”. Кто повторит подвиг певцов? Кто двинет Беларусь в большой мир, в человечество? Что-то не очень пока получается у наших певцов и артистов.

И тут, в хаосе 1990-х годов, когда мы задохнулись в своём славянском одиночестве, когда душа народа мучилась, безъязыкая, от невысказанности, появился Алексей Кузьмич. Как апостолы музыки, двинули Беларусь в большой мир “Песняры”. И стали её визитной карточкой. Навсегда. Сейчас визитная карточка страны — Алексей Кузьмич. Апостол женской Красоты. В своё время после выставки Кузьмича власть от имени первого лица сказала:

— Наши мадонн должны увидеть все славянские страны...

С тех пор наказ президента никто не торопится выполнять. Наши посольства присылали заинтересованные письма Кузьмичу, но, судя по прессе, по заграницам разъезжали совсем другие художники... Кузьмича обходили более юркие, менее искренние.

Слабое утешение, что это судьба всех больших людей. Но, глядя на мадонн, ангелов и младенцев Кузьмича, вспоминаешь почему-то судьбу Моцарта, солнечного композитора, которого похоронили в братской могиле среди безымянных нищих. Если кто не знает, как это делалось тогда, можно напомнить: человека брали за ноги и стаскивали в общий ров, без всякого гроба и христианского прощания. Так жила пресловутая Европа, которая даже в королевских дворцах до Петра I и бань не знала, — факт истории.

Правда, есть у народных художников ещё один путь — Нико Пиросмани, а у белорусов, в частности, путь Язэпа Дроздовича. Иди себе от хаты к хате, разрисовывай печки да коврики на стенках... Дадут хлеба, бульбы и шматок сала. Что ж, Алексей Кузьмич — народный художник. Ему это звание сам народ дал. А за народом не заржавеет. Народ своего сына накормит, если откажет город.

А Кузьмич — не блудный сын. Он любимое детище белорусского народа, который через Кузьмича и сказал нынче своё веское слово о красоте. Именно поэтому Кузьмича должны знать везде. И его тысяча картин — дело державное и стратегическое, не менее важное, чем оборона границы на Буге или наш калий. Алексей Кузьмич ясно показал, что у белоруса за душой. И, оказывается, там не портянки и лапти, а гармония и лучезарный свет.

Искусство Кузьмича — пример того, как нужно жить белорусу в большом мире. Жить весело, с размахом, демонстрируя преемственность Ренессанса, без страха и упрёка...

Мало кто может так жить. Для этого нужно иметь силу Гулливера. Поэтому в 1994 году “Звезда” с восторгом писала: “Ведай наших на Няве!” Тогда три десятка полотен художника выставлялись в Санкт-Петербурге, для них отвели целый зал. Сотрудницы Эрмитажа ходили за Кузьмичом, как курицы за петухом. Народ валил валом. В городе в то время происходили Игры доброй воли. Спортсмены ведущих стран мира увидели Беларусь через Кузьмича.

Узнали нас. С тех пор Кузьмичу не очень везло на путешествия, хотя приглашения слали. Не было денег доставить картины. Да и в Петербург в давние времена его работы помог доставить лишь меценат Иван Зайцев. Где меценаты? Никто из новых благодетелей так и не объявился. А государство научилось пропагандировать самосвалы и трактора, “Славянский базар” и эстрадных бабочек, однако нужно ещё заняться и живописью. Тут у нас есть чем похвалиться. Не перевелись живописцы. Как есть и редкое искусство – белорусская резная на дереве православная икона... И тут мы имеем уникальных резчиков в самой Беловежской пуще.

Не знаю, имеем ли мы в наличии математика европейского уровня после скандального, но элитного Платонова, но европейские художники в Беларуси сейчас есть. Один из них – недавно ушедший Кузьмич, но дело его продолжает его сын Алексей, буквально с героизмом. И это не его личное дело – это наши духовные и культурные ценности, которые надо уметь отстаивать. Нужно на деле любить искусство и приоритеты государства, чтобы видеть драму многих не востребуемых творцов и помогать художникам.

Цивилизованные народы-то получше соображают, чем наши чиновники: повезли как-то в середине 90-х годов прошлого века картины Кузьмича супруги Мур в Нью-Йорк в Метрополитен-опера – и фурор. Американцы ломали перед Кузьмичом шапку, называли его пришельцем из иных миров, объявили выставку Антимиром!

Попали случайно пять картин Кузьмича в Италию – там ему руки целовали... Шаманство или благодать света? Мы же говорим о намоленной воде. О намоленных рушниках. А что, Кузьмич свои полотна не намаливал кистью и сердцем? Звучит немного потешно, но такое сегодня время – никуда без сенсаций. А Кузьмич – это готовая сенсация, к которой мы, увы, привыкли. Так пора его двигать дальше, по белому свету! И зарабатывать деньги и славу.

Какая ещё нужна пропаганда Беларуси, славянства? Если Красоту, Любовь, Материнство, которые художник явил нам, иные народы объявляют новой цивилизацией! Космическим чудом! Вот как обнищало человечество красотой и гармонией... и как богаты мы. Так будем порачительнее.

А на самом деле белорусская культура – это великая традиция гуманизма, та самая традиция Возрождения, о которой говорил сам Кузьмич, эпатируя посетителей великими именами. Кузьмичу эта традиция была под силу – так дайте дорогу. Не прячьте Кузьмича хотя бы после смерти от белорусов и соседей-славян, которым Кузьмич с Полесья принёс солнечный хлеб.

Сейчас визитную карточку Беларуси активно малюют постмодернисты. Их очень много – практически вся молодёжь такова: везде унылая бездуховность, упакованная в формы, которые неотличимы, как шурупы или мобилники. Им привычно малевать сегодня гламурные страшилки и бессердечные ребусы, как раньше сапоги селян и башмаки шахтёров под видом соцреализма. Когда-то, в советские времена, Кузьмич сидел в подвале и рисовал белорусскую Красоту, а кусок хлеба с ломтиком колбасы ему из сострадания приносили натурщицы. Что изменилось с тех пор?

ДЕРЕВНЯ ТЫСЯЧИ ЛЕПЕСТКОВ

Он родился на Полесье 1 июня в год Великой Победы. Весь мир ликовал, плакал, танцевал на площадях под залпы салюта и поднимал задравные чаши. Небеса были открыты. И ангелы Божии ликовали вместе с людьми.

Увидел это маленький мальчик и, когда вырос, стал рассказывать об увиденном. О небесах, чудесах и своей матери. Дивная память была дана ему – помнить себя на руках у матери. И сравнить почти не с кем. Один Лев Толстой приходит на ум: он очень гордился тем, что помнил себя с пелёнок.

Алексей Кузьмич навсегда полюбил мир свободы, наготы и вечно лета и воплотил его в своих полотнах. Счастливый младенец танцует, пьёт молоко,

забавляется на коленях у матери. И это не кто иной, как сам художник, ликует на руках Матери-Природы.

— Родился — ясное небо, ластовки летают... — рассказывает Кузьмич. — Мать так и говорила: не день, а чудо! И вдруг из чистого неба появилась хмарка. Маленькая, рукой закрыть можно. Никто на неё и не глянул. А батяка мой, весь израненный фронтовик, приподнял меня над головой, прямо в небо. И в это самое мгновение внезапно ударила из хмарки молния — и в деревню... 19 домов сгорело. Вот такое страшное совпадение. Запомнили это люди. И я запомнил — небо, огонь, солнце, грозу. И батюку своего.

Был батяка сильно пораненный: Варшаву освобождая, на мину наступил. Девятнадцать осколков осталось. Охотились война и смерть за Кузьмичами. Пришёл батяка, а тут ночью маузеры, сапоги блестящие, злоба чёрная: “Ты за кого воевал? За москалей?”

Хотели убивать, да дочурки вой подняли. Семь их было. Десять детей родила мама Александра Максимовна, а выжили шесть дочурок и я. Избили всех бандиты, забрали шинель, сапоги, вещмешок у батяки. Вскорости он кровью и изошёл.

А в три годика, помню, — батяки уже не было — ведут меня, и вижу: лежат штабелями мертвецы. Гэбисты банду окружили и постреляли. На одном и узнал я шинель и сапоги отца...

Вместо батяки был у меня дед. Лихой дед, с казацкой шашкой домой вернулся. А началось с того, что два пацана срезали бритвой в паспорте год рождения, да и пошли добровольцами на русско-японскую войну. Дед оказался в гусарском полку барабанщиком. Потом Маньчжурия, Цусима, японский плен. В 16 лет дед воевал с японцами, а в старости — с бабами. Полный дом девчонок был, и я один среди сестёр.

Помню золотой свет. Я, малыш, стою в тазу. А меня все сестры купают... И каждая хочет шлепнуть, ущипнуть, приласкать, потешить. Был я для своих сестёр весёлой игрушкой. Так с тех пор и гляжу на мир, как на купание в том золотом тазу. И нет для меня мёртвых — все живые. Слышу их дыхание, всех прадедов и прабабушек. Широкие мужики жили у нас на Полесье, в моей деревне Мохро. Рассказывал дед, как гуляли некогда белорусы. Заматывали корове рога — и на ярмарку, а сами мимо неё — в шинок. И по пять дней не выходили из того шинка, пока всю корову не пропьют.

Матушка говорила: тише будь, ниже будь! А дед, который свет видел, под императорским знаменем впереди гусарского полка в атаку ходил, говорил: лезь на рожон!

После деда за отца и деда остался в дому я, сидел в центре стола. И слушались меня, младшего. Разве это не сказка?

Ничего случайного на свете нет, и Кузьмич появился в деревне с удивительным именем не случайно. “Глумачальны слоўн к беларускай мовы” посвятил несколько статей корню этого слова. Мохро! Махровость — пышность, роскошь цветов, кроны, растения, буйство природы, висящие, как сосульки, кисти на скатерти, на женском платке.

Цветок шиповника, предок розы, отличается от неё как раз тем, что лепестки его просты, а у розы они махровы, причудливы. Вместо пяти лепестков шиповника у розы их десятки, столетиями персы и арабы работали, чтобы вырастить у розы лишней десяток лепестков. А теперь представим сказочную розу — с тысячей лепестками! Это будет бутон-клумба. Но может быть, это не фантазия, а белорусская мечта — вывести такой цветок среди нашей незатейливой флоры.

Вот и неведомый полесский предок, давая имя деревне, отметил оригинальность природы тут, изобильность её цветов, богатство форм. Должно быть, это отразилось и в характере будущего художника, и Кузьмич очень скоро уйдёт от бедной простоты шиповника своих ещё советских картин к роскоши женских образов, создав уникальный розарий красоты. Все его красавицы — женщины-цветы. Помогла дерзость собственной природы, но и время — расцвет его творчества произошёл уже во времена суверенной Беларуси. А где корни? В Деревне тысячи лепестков. В Мохро.

Чем интересна эта рядовая в принципе деревня Ивановского района? Есть тут высокая, как корабль, старая деревянная церковь 1792 года с двумя куполами, выкрашенная в голубой и синий цвет, как делают это полешуки. В ней крестили Алексея Кузьмича, на улочке Тихой. И знаете, в чём прекрасный

и поэтический символ? Церковь носит имя святых апостолов Петра и Павла. Крестился Алексей Кузьмич под защитой великих первоверховных апостолов, и отпели его тоже в храме святых Петра и Павла, но уже в столице. Редко так бывает и есть в этом добрый символ. И встретили, и проводили художника в одном и том же, по сути, храме.

Ещё знаменита Мохро своим школьным краеведческим музеем, где описываются подвиги партизан и рельсовая война, а также “огненный рейс”, когда партизаны смогли прорваться через заслон оккупантов на горящем локомотиве. Школьник Алёша Кузьмич слышал это от самих партизан. Школа и Дом культуры тут хранили картины своего знаменитого земляка и тоже давно мечтали о галерее. При жизни мастера этой мечте сбыться было не суждено. Но через полгода после его ухода от нас двери его картинной галереи были торжественно распахнуты для посетителей. Произошло это событие 1 июня 2014 года, в день его рождения.

Ну, и новость последних времен – пункт пропуска, таможенный переход “Мохро”. Он имеет международный статус. Рядом дорога на Кобрин. Пропускная способность мохровской таможни – до 700 автомобилей в день. Так глубинная деревушка Кузьмича оказалась пограничной зоной. Шагнул – и ты за рубежом.

БЕЛОРУССКИЙ ХОКУСАЙ

В Беларуси День Матери появился в 1996 году и стал любимым праздником, совпав с православным праздником Покрова Богородицы. А для художника Алексея Кузьмича таким праздником был каждый день. Каждый день он славил Мать и Ребёнка.

Нужна чрезвычайная сила воли, чтобы сосредоточиться на одном, служить одному, одной цельности, Богу, Богородице, Природе. Такой подвиг – удел немногих.

Но большинство творческих людей плывут по течению – пишут временные сюжеты, служат повседневности, суете, бытовой мелочовке, гонорару. Это объяснимо – люди работают для общества, как знают и как умеют, а интересы толпы слишком пестры, при этом давят житейские нужды, хлопоты, болезни, почти все зарабатывают на дом, семью, и всякий кусок хлеба – дело насущное и требует труда. Но такая подёнщина сродни журналистике: прошла злота дня, и где писанина, на которую убит не один день жизни? Художники же, теряя небесное, превращаются в простых иллюстраторов и подельщиков, раскрашивая холсты, как маляр заборы. Здесь нет места осуждению – жаль только загубленных дарований.

Кузьмич двумя ногами стоял на земле и тяжело зарабатывал свой кусок хлеба. Но он знал и другое – жизнь промелькнёт, и что останется в сухом остатке? Ответы при этом он предпочитал искать не на улице, а у мастеров старины. Там же, где искали и другие товарищи по цеху. Михаил Андреевич Савицкий в беседе, когда я писал о нём очерк, прямо мне сказал о старых мастерах Ренессанса как о своих учителях. Все они были классиками, реалистами, христианами. А вот сегодня мир изменился, и среди художников выгоднее и престижнее стало быть модернистом, исказить натуру, ничему не учась, самоутверждаться в гордыне и презрении к трудному пути мастера.

Почитатели реализма и глубины в Минске сошлись воедино, чтобы отстаивать вечные каноны искусства. Они назвали своё общество “Традиция”. Кузьмич немедленно присоединился к ним. Об этом на панихиде сказал хороший художник – земляк Кузьмича с Полесья В. Уроднич. Но была тут, помимо желания защитить каноны старого мастерства, и боль о родине. Кто поплачет вместе с матерями? “Беларусь мая ўдаваная мае свайго Рафаэля – в даць, Бог пачуў мал твы жанчын Беларус”. Эти поэтические строки – всего лишь скромное слово посетительницы одной из выставок Кузьмича, и таких слов – тысячи. Но они же стали и эпитафией мастеру.

Беларусь имеет свои краски – тёмные, горестные, траурные. Кузьмич этот траур носил в сердце, а рисовал золото и белый снег цветущих вишен, белые женские убранства, белую женскую наготу. Красота славян побеждала страшную память, муку, ужас истории. Побеждали женщины! Они после войны в муках рожали, чтобы восполнить число убитых и замученных. Они и сегодня на

фоне белорусов-мужчин терпеливо трудятся и живут на десяток лет дольше — для утверждения своей трудной миссии. Однако это не ползучее жалкое выживание наперекор — это праздник, свадьба, торжество любви и материнства.

Но как часто сквозь эту красоту льются по щекам мадонн художника слёзы. Те самые *невидимые миру слёзы*, о которых писал Гоголь, тихие слёзы, которые пронизывают трагические строки Максима Богдановича. Вот так любовь к жизни и красоте полешука Кузьмича смыкается с самыми высшими образцами философии, гуманизма и гармонии. Мадонн писали многие, а заплакали они у Кузьмича, как плачут о наших грехах православные иконы.

Церковь долго присматривалась к Кузьмичу: что за мадонны с обнажённой грудью, что за красавицы с огненными волосами на его холстах? Хотя он рисовал и вполне традиционные портреты актрис — это были легенды белорусского театра С. М. Станюта, народные артистки СССР Г. К. Макарова и З. Ф. Стома. А митрополит Филарет на одной из выставок, которую посетил, прямо сказал художнику в личном разговоре: “А ты всё же язычник. Но трудись, и услышит Бог твои молитвы”. Это Кузьмич мне передал с глаза на глаз, не для журналистики, а чтобы по-дружески посоветоваться. Он был явно обескуражен. В ту пору Кузьмич и в самом деле редко бывал в своих двух храмах под окном. Но он молился, и картины были его мольбами. И Бог услышал — отпевали его с высокими словами панихиды: “Со святыми упокой!”

Жил художник Кузьмич, как и мы, грешные, на плоской земле, зла, правда, никому не делал, хотя гневался по поводу всяких безобразий, с которыми сталкивался, по поводу чиновничьего беспредела и от горя порой пил горькую, как это заведено во всём мире под небесами. А упокоился со святыми... Что ж, заслужил. Потому что о святости молился своей кистью каждый день. И спал подчас в мастерской на полу, не в силах идти домой, чтобы не потерять музыку, что в нём звучала. И жил порой в холоде и голоде, потому что дорогое дело — мастерская в центре города, но он молился, как нищий на паперти Красоты. И победил в своей настойчивости и терпеливости.

Японцы почитают своего великого художника Хокусая. Нам, честно говоря, трудно понять его глубину. Европа знает целую армию великих мастеров, но более телесных, вещественных, что ли. А Хокусай был тонким иллюстратором пятисот книг, автором тысяч изящных поздравительных открыток, где главное — каллиграфия, ценящаяся в Японии и Китае, как живопись, мастером множества пейзажей-ксилографий.

И всё же, при всей своей величине, он художник малой формы. Но помимо художественных достоинств есть у Хокусая одно качество, присущее и древним мастерам Китая, — это умение сотни раз живописать одну и ту же натуру, находя в одном сюжете, одном пейзаже новые и новые краски и смыслы. Он бесконечно писал гору Фудзияму, морские виды, низвергающиеся водопады. Он ловил красоту. С упорством маньяка или графомана, усмеётся над мастером, может быть, какой-нибудь нынешний любитель модерна, малюющий консервную банку с окурками как истину в последней инстанции.

Но нет — Хокусай был философом. Он запечатлевал невозмутимость вечной природы и человеческую суету у подножья великих гор и лесов. Он делал это упорно, чтобы люди задумались. И японцы задумались. И воспитали у себя умение видеть красоту в малом, чувство поклонения одному цветку и вырастили в тесных жилищах миниатюрные сады-бонсай.

Так вот для меня Алексей Кузьмич сродни не Рафаэлю — это слишком поверхностное сходство, так сказать, идеологическое, тематическое. Об этом много раз писали журналисты. И он сам подыгрывал им, призывая Рафаэля в учителя. Но слишком разные жизни они прожили. Рафаэль Санти ушел в 37 лет, обласканный Ватиканом, хозяином-миллионером и боссом целого синдиката мастеров. Кузьмич ушёл в 69, оставаясь борцом-одиночкой. А старики не учатся у юношей. Да и труды у них были разные. Рафаэль чуть не всю жизнь посвятил расписыванию ватиканских дворцов и капелл, был известным архитектором храмов в Риме, половину заказов под его именем исполняли ученики, лучшие его картины — алтарные образы.

А Кузьмич до последнего дня боролся против ханжества и лжи, проповедовал красоту, как делал это японец Хокусай.

Классикам всё сходит с рук. А Кузьмичу задавали вопросы при жизни и обвиняли. Как будто мать, кормящая грудью дитя, что-то потеряла в своей святости и не может быть мадонной.

Все эти матери и невесты были алтарём его невоздвигнутого храма, непостроенного музея. Все обещали, и никто не помог. Ни Минск, ни Брест. В Брестской области, как и в прочих, научились выколачивать деньги и деятельно восстанавливать поместья шляхты. На музеи красоты денег не находится. Проблема картинных галерей – проблема не одного Кузьмича. Очень многие художники неприкаянны и не нужны даже у себя на малой родине, в своих районах.

Но в отличие от других, Кузьмич работал для одной святой темы, в которой видел само сердце Беларуси. Но и она не материализовалась. Сколько раз он загорался, когда манили его обещаниями. И сколько раз впадал в отчаяние. От ярости и разочарования был готов отдать картины для Музея-храма мадонны куда угодно – в Россию, в Прибалтику. Только бы построили.

Но не так всё просто! Меняй гражданство и вывози. Да и то могут не разрешить вывезти такое богатство, как художественную ценность. А гражданство Кузьмич менять не хотел.

И всё-таки он ушёл непобеждённым. В последние три месяца его жизни состоялись три выставки. На августовской он ещё был, фото запечатлело его с горящими горестными голубыми глазами и багряной розой на фоне золотистой картины его юной супруги. Затем уже болел, не посещал. Сын Алексей, вовсе не художник по образованию, взялся продолжать дело отца. И широко расправил крылья. А Кузьмича приняла земля. Но на следующий день открылась выставка его полотен на кинофестивале “Листопад”. Он продолжил свою проповедь красоты.

Вот только исполнил ли свою миссию Алексей Кузьмич? Хokusай своими философскими миниатюрами воспитал народ и оказал влияние на графику всего мира. А воспитал ли нас Кузьмич, чтобы мы поклонялись Божьей красоте? Чтобы ценили и любили женщину, как чудо мира? Вопрос открытый.

Красота, конечно, спасёт мир, как сказал Достоевский устами одного своего героя. Но при наличии воли человека и сильного тяготения к красоте, а не безобразию. И тут нам предстоит выбор! Традиционные ценности культуры ещё работают, многие из нас помнят послевоенную бедность, уважают скромность, но мир всё агрессивнее, всё беспощаднее. Бедность и простота уже почти стали пороками.

Жаль, маловато для художника прожил Алексей. Что ж, судя по его удивлённому и загадочному лицу, с которым он покинул мир, мастером чудес и философом ему предстояло стать на том свете, в лучшем из миров. Ведь Кузьмич, по его словам, которые он произносил со страстью пророка, строил новую цивилизацию.

* * *

Он родился в июне и больше всего любил золотой солнечный свет. Его картины этим и памятны – золотистые лица женщин, детей, красота полдня. Ни одной ночной картины Алексея Кузьмича не припомнишь. Все художники пишут красоту мира, красоту любимой женщины, мудрость материнства. Кузьмич писал молодых матерей и маленьких детей. Мать и Дитя – контрапункт и сердцевина его творчества. Он называл красавиц своих полотен мадоннами. На Западе мадонной называют Богородицу Марию. А он так называл всех матерей, златокудрых и светлоликих. Все они матери малюток, а дети – маленькие боги. Сам Христос сказал в Евангелии: “Будьте, как дети”. Великий мастер Алексей Кузьмич утверждал и утверждает это каждым своим полотном.

г. Минск